

Охота в подарок.

А. ЗЕМЛЯКОВ

Я помню ее, как будто это было вчера, а то, что было вчера, сегодня я уже, увы, припоминаю с трудом. Сегодня мне сорок пять лет, а тогда было двенадцать. Я помню слова отца: «Без охоты, сынок, я уже давно бы не жил». Тогда я это не понимал. Сейчас я это понимаю. Одним из самых радостных дней моей жизни и по сей день остается тот, когда отец подарил мне ружье (с разрешения председателя общества охотников и с условием, что я буду ходить на охоту только с отцом). Он обещал подарить его мне к дню рождения, а подарил немного раньше. Для меня это было не то, чтобы сюрпризом, не то, чтобы полнейшей неожиданностью... Впрочем, тут я не могу подобрать такого слова, чем это было для меня. Помню только, что когда я, придя из школы, увидел на стене моей комнаты ружье, то я остолбенел, в прямом смысле этого слова. Весь оставшийся день и целый вечер я не отходил от ружья, а когда мать позвала на ужин, причем позвала несколько раз, я быстренько-быстренько что-то там проглотил под смеющиеся глаза отца и — снова к ружью. И даже ночью я несколько раз вставал, включал свет и стоял перед ружьем, блаженно глядя на него, как перед красивой иконой. Эта моя «икона» была тулкой, курковкой 16-го калибра. Из нее мне посчастливилось «взять» своего первого зайца и первого крякового селезня. Впрочем, о зайцах потом.

И вот в один долгожданнейший день открылась охота на зайца по чернотропу. В ночь перед охотой я не смог заснуть. Иногда вставал и снова и снова переключал патроны в патронташе по номерам дробин. Четверку — в правый подсумок, патроны с дробью покрупнее — в левый. И наоборот. Наконец, под утро задремал, и тут же, как автоматная очередь, раздался стрекот будильника. Я вскочил и оделся намного быстрее, чем будучи солдатом в армии. А отец, оказывается, встал еще раньше и уже приготовил завтрак. Мне же было не до чаевничания и не до всяких там прочих утренних туалетов. Я уже с вечера был собран и теперь сидел в полной боевой готовности, поглаживал Флейту — нашу общую любимицу русскую гончую выжловку — и нетерпеливо поглядывал на отца. Впрочем, нетерпеливо — это не то слово. В отличие от Флейты, я только что разве не взвизгивал и не поскуливал. Отец, поглядывая на нас и посмеиваясь, ускорил свое чаепитие, встал из-за стола и сказал: «До чего же вы с Флейтой похожи в этот момент. Все. Выходим!» И тут же нас с Флейтой подбросило, как будто мы сидели на сжатой пружине, а она вдруг взяла да и разжалась. Отец рассмеялся. Видимо, ему это состояние моей охотничьей души было хорошо знакомо. Хотя по чему было? Я и сейчас, например, перед каждой охотой испытываю точно такое же состояние удивительного, приятного волнения. Только теперь оно, наверное, более сдержанное что ли, чем в ту первую предохотничью ночь. Извините за это небольшое лирическое отступление и за избитую фразу: «Ради этого стоит жить».

Я взял Флейту на поводок, и мы пошли. «Ни пуха, ни пера!» — ласково сказала мать, вставшая, чтобы закрыть за нами дверь. «К черту, к черту...» — бормотал я уже на улице, по чему-то нервно ощущая патронташ. Потом уже, сидя в пригородном автобусе, глядя Флейту, которая положила голову на мои колени и смотрела на меня умными глазами, я подумал, вспоминая утренние слова отца: «А может, действительно, когда-то я был охотничьей собакой. Наверное, скорее всего, был гончим... выжломом с дипломами 2-й и 3-й степеней и с оценкой по экстерьеру на выставках если и не «отлично», то уж никак не ниже «очень хорошо».

И вот мы в осеннем лесу. Утро наипрекраснейшее, по крайней мере, для меня, Флейты и, я думаю, для моего папочки (так я его всегда называл). Наверняка, многие люди, проснувшись в это утро и выглянув в окно, подумали: «Туман, мелкий морозящий дождь и на душе как-то мерзопакостно... тьфу, ты, черт...» В это утро я выгодно отличался от них. У меня было прямо противоположное мнение: «Чернотроп. Погода — то что надо для охоты с гончей. Флейта все равно рано или поздно, но обязательно должна побудить белячка и гонять она его будет без сколов. Вязкость у нее, как говорил отец, прекрасная, паратость — то, что на до!» Должен сказать, что набрался я этих охотничьих слов из рассказов отца и из разговоров знакомых охотников-гончатников, которые говорили на своем неподражаемом охотничьем языке, а также из журнала «Охота и охотничье хозяйство», который в ту счастливую пору заменял мне настольную книгу.

Очнулся я от своих мыслей после окрика отца: «Стоять!» Мы с Флейтой дружно замерли как вкопанные. Отец, как показалось мне, хрюкнул и сказал: «Это я Флейте скомандовал. Так положено». Затем снял с Флейты ошейник и пустил ее в полаз с веселым порсканьем: «А ну, давай, давай, давай! Буди его, буди, милая, гоп-па, гол!»

Я с особым удовольствием заряжаю свою драгоценную тулку, и мы медленно идем по лесу. Я, подражая отцу, но еще более азартно порскаю: «Давай, давай! Добудь его, добудь. О-ля-ля, гоп-гоп!» И вдруг Флейта подала голос. Потом еще и еще. Сердце у меня, как говорят в таких случаях, так и екнуло. Но по рассказам отца я знал, что это еще не гон. Это добор, то есть Флейта подает голос на жировке зайца и старается побудить его. Так продолжалось минут десять, а потом в одну прекрасную секунду лес как будто проснулся от заливающего рыдания Флейты. «Вот оно! Подняла, помкнула, залилась. На глазок! По зрячему, судя по голосу», — мелькнула у меня мысль. Я лихорадочно сжал ружье, да с такой силой, что оно, наверное, стало не 16-го, а 20-го калибра, и, сломя голову, ноги и все прочее, как дикий вепрь, ломанулся сквозь чашу леса на Флейтин голос, который быстро удалялся от меня. Да! Теперь это был он! Его величество страстный, яркий Гон!

В соревновании в беге с Флейтой и зайцем я проиграл и скоро, дыша тяжело и с каким-то свистом в груди, остановился, снял шапку и старался уловить, в какой стороне идет гон.

И вот мне стало казаться, что заяц пошел на круг, то есть нет, не казаться, а точно гон стал приближаться ко мне. Я задрожал, как осиновый лист на ветру, и стал лихорадочно и почему-то какими-то скачками искать лаз, по которому должен «пролезть» заяц. Одно место мне казалось лучше другого, а Флейтин голос вдруг возник неожиданно рядом. Я не нашел ничего лучшего, как прыгнуть за дерево и принять полную боевую готовность. (Позже я где-то читал, что вставать нужно не за дерево, а перед ним и главное — не дергаться.) А тогда я чуть дерево не свалил, выглядывал из-за него то с одной, то с другой стороны в надежде узреть или еще, как охотники говорят, перевидеть зайца. Зайца я так и не узрел, а вот Флейту, которая буквально вылетела на меня, только чуть-чуть левее, перевидел. Вылетела она и застыла, подняв го лову. Потом резко повернула ее ко мне, фыркнула, показалось, даже послала меня... опять за дерево, а за тем опустила голову к земле и так это челноком, челноком и заходила-заходила, очень смешно шевеля ноздрями с не менее смешным характерным звуком, что-то типа «хру, хру, хру...» Но мне в этот момент был не до смеха. «Эх, прозевал, растяпа!» — грыз я сам себе локти. Тем временем Флейта снова, я бы сказал, истошно, с какими-то взвизгиваниями возопила, и гон снова утек от меня. А я стоял весь в тоске, и в голову почему-то залетел отрывок из одного охотничьего стихотворения:

...Играют звуки ближе, ближе...

И вот беляк метнулся меж кустов!

За выстрелом рванулся выстрел,

И заяц кубарем — «Готов!»

Я готов был зареветь от досады на себя. «Подшумел! Вот уж оттопал так оттопал, дурак...» — с тихой злостью думал я и обреченно шел, уже не бежал, в сторону гона. Вдруг голос Флейты пропал. Нет, он не сошел со слуха, он просто взял и сразу оборвался. «Ну вот, теперь и Флейта скололась. А все из-за меня, охотника липового...» — крутилось в неудачливой моей голове. В это время послышался возбужденно захлебывающийся голос отца. «Вот, вот, во-от, во-от, вот!» — кричал он. Я подумал, что он меня ищет и так же, но гораздо менее азартно ответил: «Вот, вот». И тут же, извините за выражение, почувствовав нужду, уселся под ближайший куст: «Вот же приспичило... хорошо что не во время гона... Утром-то было не до этого». Сижу. Но, как и подобает пусть не удачливому, но все же таки охотнику, ружье из рук не выпускаю. Сижу, значит, а вокруг после Флейтино гона такая, знаете ли, звенящая тишина. И вдруг среди этой тишины слышу легкое похрустывание лежащих на земле сухих веточек. Я поворачиваюсь на этот шорох и... о, боги! Еще полностью не вылинявший беляк, не спеша, видимо, пользуясь Флейтиным сколом, «пролезает» через редкий кустарник метрах в двадцати от меня. Прыг, прыг... и сел. Замер как столбик и ушки вверх наострил. Какая-то неведомая сила подбросила меня вместе с ружьем вверх. Не помню, как целился, но зато помню, как заяц упал, судорожно задергал задними лапами и затих. Господи! Что со мной было! Если я напишу: «я дико орал», то это будет приуменьшением. Я орал так, что, наверное, все птицы и звери летели и бежали из этого леса, как от пожара. (Отец говорил мне потом, что он подумал, будто бы я завалил по меньшей мере мамонта.) Высоко подняв над головой ружье, я орал: «Готов! Дошел!» — так учил отец, и «Урра!» — это уже от себя. И вот в этот самый момент появился отец. Я ожидал, что сейчас он будет улыбаться и поздравлять меня с «полем», а он застыл, как сеттер в стойке. Вытянул голову вперед и смотрит на меня. Следом за ним выскочила Флейта и... тоже застыла в аналогичной позе." Я им

показываю на зайца, а они смотрят на меня. И только тут я заметил, что нахожусь в последней стадии стриптиза... Потом еще долго в лесу стоял раскатистый хохот отца. Вскоре, когда я был одет уже по всей форме, к нему присоединился и мой радостный тенорок. Флейта тоже улыбалась, видимо, чувствуя награду в виде пазанок беляка.

Отец потом описал мою первую охоту в стихах. В них было много юмора и в отличие от моего рассказа охотничьи преувеличения — явно не в мою пользу. Он прочитал их своим друзьям -охотникам. Они намного продлили свою жизнь смехом. При новых встречах с отцом они снова просили почитать им это «произведение». Отцу это, судя по всему, доставляло удовольствие, впрочем, как и мне тоже. И сейчас я часто говорю себе: «Спасибо, отец, что ты пода рил мне охоту!»